

Публичная садка Саратовскаго кружка охотниковъ.

Зрѣлище страданій смерти—несомнѣнно самое тяжелое изъ всѣхъ, которыя суждено человѣку лицезрѣть, а потому естественно желать, чтобы изъ обыденной жизни, и такъ тяжелой, было изгнано все, что такъ или иначе напоминаетъ о смерти и страданіи.

Исходя изъ положенія, что систематическое созерцаніе сценъ страданія дѣйствуетъ деморализирующимъ образомъ на высшіе слои народа и оскорбляетъ чувство гуманности болѣе интеллигентныхъ представителей его, всѣ современные цивилизованныя государства постепенно изгнали изъ обихода общественныхъ развлеченій травли людей животными, кровавыя кулачныя побоища, устраиваемыя для вышшаго веселья и развитія въ старину молодечества, силы и удалства, а затѣмъ и зрѣлища травли животныхъ. Изъ современныхъ государствъ одна лишь Испанія продолжаетъ наслаждаться боемъ быковъ; всѣ другія европейскія государства сочли необходимымъ даже акты карательнаго правосудія перенести въ стѣны тюрьмы, признавъ, что зрѣлища истязанія, хотя и вытекающаго изъ законнаго возмездія, не могутъ быть поучительны и служить примѣромъ.

Изъятій изъ этого порядка очень мало, и духу гуманности сдѣлано за послѣднее время очень много уступокъ.

Всякія дѣйствія, могущія служить въ этомъ отношеніи дурнымъ примѣромъ; все, что можетъ быть средствомъ огрубѣнія нравовъ запрещено закономъ подъ страхомъ наказанія. Такъ, въ дополненіе къ примѣчанію подъ статьей 42 Устава о Наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями, воспреещающей причиненіе напрасныхъ мученій домашнимъ животнымъ, послѣдующія правительственныя распоряженія, идя послѣдовательно по тому-же пути, въ защиту дикихъ животныхъ и въ дѣлахъ той-же гуманизации нравовъ, воспретили ловлю дикихъ звѣрей капканами, вожденіе медвѣдей и т. п.

Сказанное пришло мнѣ на умъ по поводу садки, устроенной 27 декабря саратовскимъ кружкомъ псовыхъ охотниковъ. Непонятно, ка-

нимъ соображеніемъ руководились распорядители кружка, обставляя все дѣло садки такъ, что выходило что-то, что съ охотою имѣю мало общаго: опасеніе-ли, что звѣрь можетъ уйти, или что другое, но только садка въ такой формѣ,—извращая дѣло охоты, поселяла въ зрителяхъ, составляющихъ понятіе объ охотѣ по представляемымъ садкою образцамъ,—какъ объ развлеченіи и удовольствіи, недостойныхъ мало-мальски развитаго и гуманнаго человѣка, хотя несомнѣнно, въ дѣйствительности, взглядъ этотъ слѣдуетъ признать ложнымъ и неправильнымъ. Опасеніе, что звѣрь можетъ уйти, могло имѣть мѣсто, но только для лисицъ, такъ-какъ бѣговой гипподромъ представляетъ изъ себя въ большей части огороженное глухимъ заборомъ пространство, и только въ одной части ограда представляетъ изъ себя рѣшетку, чрезъ которую могла проскользнуть лиса, не догадался бы заяцъ, и не пролезъ бы, если-бы и попытался,—волкъ.

Зрѣлище небывалое для обывателей г. Саратова, а потому несмотря на морозъ, отдаленность мѣста травли отъ г. Саратова, несмотря на то, что отъ города до мѣста не было дороги, и что не по карману собственно народу разѣзжать на извозникахъ, пользующихся случаемъ слупить за ѣзду въ мѣста, гдѣ такса уже перестаетъ дѣйствовать, и что пришлось поэтому добираться пѣшкомъ на разстояніи около 2-хъ верстъ, утоная по колѣно въ снѣгу, все-таки на садку — травлю явилось по крайней мѣрѣ 2000 человѣкъ, изъ нихъ около 10% членовъ кружка и публики изъ средняго класса.

Прибывъ, какъ членъ кружка, къ началу, я невольно удивился при созерцаніи числа зрителей: что привело ихъ всѣхъ сюда; зачѣмъ они пріѣхали, или, утоная въ снѣгу, пришли? Неужели это все охотники, люди интересующіеся дѣломъ псовой охоты?

Какъ бы въ отвѣтъ на возникающіе вопросы, одинъ изъ посѣтителей, обращаясь ко мнѣ, спрашиваетъ: «скажите пожалуйста, когда будутъ травить волковъ, на чистоту пойдетъ — кто кого съѣстъ»? Отъ вопрошающаго несдо водкой, глаза уже немного замаслились. — Пріѣхавъ должно быть значительно ранѣе начала, онъ успѣлъ уже нагрузиться и въ устроенномъ при помѣщеніи буфетѣ.

Садка кружкомъ охотниковъ была устроена на городскомъ бѣговомъ гипподромѣ, представляющемъ очень длинный и узкій сравнительно четырехугольникъ. Это одно уже не могло благоприятствовать садкѣ, а если къ этому присоединить, что толпы народа, составляющія зрителей, помѣстились не съ одной стороны, а съ двухъ противоположныхъ, противъ середины гипподрома; затѣмъ, что зайцы, лисицы и волки были привезены въ закрытыхъ ящикахъ, и въ нихъ оставались до момента травли, станеть понятнымъ, что садка не могла представлять то, чѣмъ она должна быть, а оказалось лишь давленіемъ, но впрочемъ по порядку:

Началось съ русаковъ и были затравлены всѣ три, ирежде чѣмъ они успѣвали сдѣлать и сто шаговъ.

Русаковъ давили, а не травили, такъ-какъ нельзя назвать травлею приѣмъ собаками зайца, выскочившаго изъ темной конуры, ослѣпленнаго свѣтомъ, не видящаго ничего вокругъ себя, натыкающагося съ двухъ сторонъ на толпы народа, и, главное, приѣмъ сворою, поставленной отъ садочнаго ящика въ разстояніи около тридцати шаговъ.

Ни быстроты, ни ловкости собакъ, ни сноровки ихъ, ничего этого видѣть поэтому не было возможности. При травлѣ же нумера 4-го вышло прямо нѣчто возмутительное. Я самъ охотникъ, на своей душѣ имѣю много злодѣйствъ, но относясь къ нимъ вполне индифферентно, не могъ подавить въ себѣ вполне естественнаго чувства отвращенія отъ представленнаго зрѣлища. И не я одинъ; среди членовъ кружка и публики было много возгласовъ въ родѣ: „фу гадость, это возмутительно, на что это похоже!“

Несчастный бѣлякъ, выскочивъ изъ ящика по направленію поставленной своры, ослѣпленный свѣтомъ, сначала ошалѣлъ и остановился на мѣстѣ; затѣмъ, нѣсколько оглядѣвшись и увидѣвъ слѣва и справа толпы народа и единственный относительно свободный просвѣтъ по направленію своры, направился трускомъ прямо ей въ лобъ. Борзятникъ, испугавшись, должно быть, какъ-бы заяцъ не ушелъ, если его пропустить мимо, спустил свору, и заяцъ не успѣлъ моргнуть даже глазомъ и разглядѣть отъ чьей злодѣйской руки онъ погибъ. Слышалъ отъ присутствующихъ, что такое поведеніе борзятника оправдывалось будто бы тѣмъ, что лопнула свора, но это лишь слова.

Затѣмъ очередь наступила для лисицъ. Травили при той-же обстановкѣ двухъ лисицъ борзыми и одну задавили гончими. Лисицы, выскочивъ изъ ящика, не успѣвали сообразить гдѣ имъ искать спасенія, какъ уже ложились мертвыми. Обстановка, въ виду протестовъ, вызванныхъ травлею зайцевъ, измѣнилась лишь немного, и своры ставились отъ садочнаго ящика въ разстояніи отъ ста до ста пятидесяти шаговъ. Впрочемъ, результатъ получался одинъ и тотъ-же. Малая ширина рипподрома, присутствіе вокругъ его ограды, толпы народа, переходъ отъ темноты къ яркому свѣту, образуемому отраженіемъ лучей солнца отъ снѣга, малое сходство по быстротѣ и ловкости садочныхъ лисицъ съ живущими на свободѣ—все это вмѣстѣ не давало возможности, хотя приблизительно, судить, какъ тѣже собаки травили бы на настоящей охотѣ. А это обстоятельство для людей, неимѣющихъ яснаго представленія о псовой охотѣ—изъ благородной страсти, какой несомнѣнно слѣдуетъ считать псовую охоту—дѣлало жестокою забаву, натапливающую на мысль о необходимости внимательства общества покровительства животнымъ.

При травлѣ одной лисицы собакою кровей собакъ г-на Мачеваріанова, кличка «Злоимъ», произошелъ курьезный эпизодъ. Кумушка,

высочивъ изъ ящика, побѣжала трусцой, прихрамывая на переднюю лѣвую ногу и сознавая, должно быть, что съ больной ногой отъ настагающей собаки не уйти, пожелала, вооружившись мужествомъ, продать жизнь по возможности дороже. И вотъ, не выдержавъ удара грудью Злоима и покотившись кувиркомъ, кумушка, оправившись ранѣе чѣмъ собака успѣла захватить за глотку, осѣла на задъ, оскалила зубы и, при каждой попыткѣ Злоима взять, отвѣчала хваткой зубами, которые, какъ извѣстно, у кумушки хороши на рѣдкость. И вотъ затѣмъ послѣдовалъ рядъ неудачныхъ атакъ, сопровождаемыхъ хохотомъ жителей.

Неизвѣстно чѣмъ бы все это кончилось, если-бы пріятель, стоящій тутъ-же съ запасной сворой борзыхъ, не спустилъ ихъ на помощь Злоиму.

Чѣмъ объяснить, что таже собака при травлѣ волка, правда въ сворѣ еще съ двумя, брала волка по мѣсту прямо въ глотку и держала его крѣпко, такъ что волкъ былъ соструненъ, а при травлѣ лисицы сплеховала—объяснить трудно. Надо полагать, что эпизодъ этотъ былъ послѣдствіемъ хромоты лисицы и сознанія ея, что въ бѣгствѣ нѣтъ спасенія, и ужъ если умирать, то умирать со славою.

Затѣмъ перенли къ травлѣ волковъ. Травля ихъ искупила частью промахи предшествующихъ: отчасти потому, что къ этому зловредному хищнику чувство сожалѣнія не могло имѣть мѣсто и если имѣло, то въ гораздо менѣе значительной степени и притомъ у субъектовъ лишь очень чувствительныхъ, а главнымъ образомъ потому, что на волчьей травлѣ сверхъ быстроты, которую при вышеуказанныхъ условіяхъ садки измѣрять было немислимо, собаки имѣли возможность при травлѣ волковъ показать ловкость, умѣнье брать по мѣсту и силу.

Героємъ травли оказался „Дивный“ изъ породы собакъ г-на Назимова, который каждый разъ бралъ волка въ глотку и, такъ сказать, присасывался, такъ что каждый волкъ могъ быть соструненъ. Травили и имъ однимъ, и если неудачно, то надо признать, что лишь потому, что волкъ бросился къ ложѣ дамъ, хотя и огороженной барьеромъ отъ арены, но, въ виду сугроба снѣга, представлявшей волку полную возможность искать непосредственнаго покровительства прекраснаго, нѣжнаго и сострадательнаго пола. Борзятникъ, стоявшій по близости, опасаясь, что волкъ, попавъ въ ложу, можетъ тамъ надѣлать суматохи и быть причиною обмороковъ и истерикъ, спустилъ въ лобъ волку запасную свору, и волкъ былъ соструненъ у самыхъ ложъ.

Необходимо оговорить, что волки, бывшіе на садкѣ, не отличались живостью, ловкостью и силой; всѣ были молодые этой весны, воспитаны въ неволѣ, и, несмотря на декабрь мѣсяцъ, были по величинѣ менѣе убитыхъ на охотѣ въ началѣ Октября; къ тому же одинъ волкъ былъ хромой.

Закончивъ описаніе садки, мнѣ остается пожелать, чтобы въ слѣдующемъ году Саратовскій кружокъ псовыхъ охотниковъ, при устройствѣ

садовъ принялъ мѣры къ устраненію сказанныхъ неудобствъ, благодаря наличности которыхъ дѣло охоты, въ глазахъ непосвященныхъ, представлялось забавою варварства. Искренно страстно желаю, чтобы дѣло устроилось лучше, чтобы въ новыхъ опытахъ кружка не было ничего такого, что какъ въ описанной садкѣ давало право лицамъ изъ публики, обращаясь ко мнѣ, говорить: „скажите, многоуважаемый, что общаго у васъ, насколько я васъ знаю, съ этимъ дѣломъ, въ которомъ, кромѣ крови и страданій, я ничего не вижу“.

Какъ охотникъ и притомъ страстный, отдающійся дѣлу охоты всецѣло, во всѣ минуты, свободныя отъ житейскихъ заботъ и службы, естественно я не могу не понимать какое значеніе могутъ имѣть садки въ дѣлѣ улучшенія и усовершенствованія охотничьихъ и промысловыхъ собакъ. Не упускаю также, что для многихъ и многихъ изъ числа охотниковъ, закрѣпощенныхъ изо дня въ день службою, садка можетъ быть единственнымъ способомъ освѣжить духъ, единственнымъ средствомъ испытать тѣ ощущенія, которыя такъ дороги каждому охотнику, и въ погонѣ за которыми каждый готовъ приносить столько жертвъ и терпѣть столько лишеній.

Очевидно, что въ настоящемъ случаѣ моимъ перомъ руководить ни чувство ложно понятой и неумѣстной чувствительности, ни чувство непрязни къ распорядителямъ кружка, которыхъ знаю и уважаю какъ хорошихъ охотниковъ и прекрасныхъ товарищей, а желаніе, чтобы дѣло охоты стояло на той высотѣ, на которой оно должно стоять по праву и на которой оно было бы недосягаемо для укоровъ и упрековъ съ какой бы стороны ни пытались это дѣлать.

Н. Мендлицкій.

1885 года 2 Января
г. Саратовъ.